Вторая попытка: необходимость и возможность восстановления социального системогенеза

УДК 658.51+316.42

В работе исследуются неспецифические метафакторы, блокирующие социальный системогенез. Задержка перехода от зоопопуляции к психосоциальной формации, по мнению авторов, обусловлена направленными действиями метасубъекта, прежде всего в области образования. Преодолеть возникшее препятствие можно только с помощью осознанного управления системогенезом.

Ключевые слова
Информационно-голографические экраны (ИГЭ), зоопопуляция, психосоциальная формация, системогенез, метасубъект, системоквант, образование, обучение.

Авторы

Сундиев Игорь Юрьевич — член правления Российской криминологической ассоциации, доктор философских наук, профессор.
Фролов Андрей Борисович — генеральный директор ООО «Айскрин», академик МАРЭ, автор-разработчик систем психофизического мониторинга.

Современный кризис социума носит наднациональный и надгосударственный характер. Его отличие от предшествующих кризисов заключается не только в нарастающей угрозе омницида (гарантированного уничтожения всего человечества вследствие применения оружия массового поражения, техногенных и геоклиматических катастроф).

Главная особенность кризиса в том, что возрастание интенсивности негативных событий не приводит к качественному скачку, квантовому переходу на более высокую ступень социального развития. Современный кризис — не системный сбой в саморегуляции больших систем (каковой и является социум), а угрожающий существованию живой планеты патологический процесс, вызванный неспецифическими метафакторами (которые мало наблюдаемы в силу несоответствия масштабов восприятия).

Ранее естественное восходящее направление хода истории всегда проявляло себя в смене социальных формаций — в движении, в направлении от простых форм социальной организации к более сложным и гармоничным. Сейчас же произошла блокировка процесса развития: уровень накачки (диссипации) достиг опасных аварийных показателей, а квантового перехода социальной системы к новому качеству не происходит.

Социальный системогенез — значимая часть всеобщего системогенеза, составляющая диалектического развития нашего пространственно-временного континуума. Наиболее удачной иллюстрацией иерархии уровней системной организации, возникающей в процессе социального системогенеза, является, по нашему мнению, классическая пирамида потребностей Абрахама Маслоу, основоположника американской гуманистической психологии. По Маслоу, верхние уровни пирамиды (зона психологических потребностей) — это Я-потребности «...в самореализации, самоактулизации, высшая миссия... существования, духовная потребность, самая высшая роль человека в человечестве, понимание своего смысла существования...» [1]. Нижние уровни пирамиды связаны с удовлетворением витальных потребностей физиологических (органических) потребностей; пирамида построена по принципу достаточности — по мере удовлетворения нижележащих потребностей возрастает возможность удовлетворения вышележащих.

Таким образом, нижние этажи развития социума соответствуют зоопопуляционному уровню (доминирование витальных потребностей, внутривидовая агрессия, территориальная экспансия и право сильного). На смену им должна прийти психосоциальная формация (гуманистические контуры которой начали отчетливо обозначаться в опыте советской цивилизации, возводимой на фундаменте социальной справедливости[1]).

Популяция, как большая система, завершившая формирование очередного уровня развития, должна стать фундаментом для возникновения **цивилизации** (как новой социальной формации): на смену зоопопуляционным отношениям между элементами социума должны прийти психосоциальные (основанные на справедливости).

Что препятствует такому переходу?

Разумеется, этот блокирующий фактор должен обладать метасвойствами, иначе он не сможет превзойти могучие факторы системогенеза (астрономические, геофизические, популяционные вместе взятые). При этом он должен каким-то способом перенаправить вектор социального системогенеза, например перезапустить его в противоположном направлении. Но в любом случае он должен занять положение сверху (над большими социальными системами): в соответствии с принципом иерархии ИГЭ [2] нижележащие системы будут вынуждены реализовывать модель результата деятельности от вышележащих (притом исключительно за счет собственных ресурсов — информационных, энергетических, пластических).

Обладает ли **метафактор** субъектностью? Несомненно, да. Но свойства этого субъекта невозможно описать с помощью традиционного понятийного аппарата: каждый уровень системной организации проявляет свои специфические свойства (структурные элементы внутри каждого ИГЭ взаимодействуют на основе соответствующих информационных, пластических, энергетических и темпоральных закономерностей). Можно сказать, что каждый вышележащий уровень системной организации проявляет релятивистские свойства по отношению к нижележащему. Более того, свойства **метасубъекта** — новые, неизвестные ранее (еще не закрепленные в социокультурном и научном опыте человечества) — возникли по историческим меркам даже не вчера, а сию секунду.

В силу этого (на различных уровнях системной организации своя причинность) метасубъект не может восприниматься отчетливо с нижележащих уровней: его каузальная игра выглядит как малообъяснимое и необъяснимое, конспирологическое. Исследователи, обвиняющие других в конспирологии, лукавят: очень удобно и безопасно играть в бисер — квалифицированно комментировать многочисленные проявления

кризиса (в котором явно прослеживается голографичность — множество проявлений одного и того же метафактора), не возлагая на себя бремя ответственности за его ликвидацию. Следует помнить, что именно феноменология (невозможность традиционного объяснения наблюдаемого явления или факта) всегда являлась истинным движителем науки (и частью психосоциального системогенеза).

Обладает ли **метасубъект** разумностью, то есть осознанным целеполаганием? Несомненно, обладает, поскольку находится на высоком иерархическом уровне системной организации. Ему совсем не мешает действовать то, что его разумность (интеллект, когнитивные функции, способы коммуницирования) не имеет ничего общего с человеческим и социокультурным (его функции вырабатывались в других системных организациях, а не в человеческом системогенезе). Метасубъект не антропоморфен (его онтогенез не повторяет филогенез человека). Для того чтобы иметь целеполагание, ему не обязательно иметь человеческий мозг [2, с. 56–67]. Таким образом, метасубъект имеет колоссальные преимущества перед субъектами социума: он практически не наблюдаем (мало воспринимаем), а самое главное — находится выше в иерархии (имеет операциональные преимущества по отношению к субъектам социума).

С точки зрения концепции ИГЭ, каждый субъект воспринимается другими субъектами (перцепция), если может с ними взаимодействовать по пространственно-частотным (волновым) характеристикам. Видеть — значит, уметь восстанавливать фронт дифрагированной (искаженной) волны от объекта (опорные волны потребности и предметные волны подкрепления должны проинтерферировать на каком-либо субстрате)[2].

Метасубъект активно действует, значит, даже по неспецифическим (для традиционного социума) результатам этих действий (неспецифическим каузальным искажениям причинно-следственных связей) можно составить его образ.

Образ поедающего себя змея — ненасытной сущности, которая замкнута сама на себя по горизонтали, в кольцо, — очень удобен для иллюстрации общества потребления и того, каким способом осуществляется попытка блокирования социального системогенеза.

У человека зрительно-смысловая доминанта восприятия, поэтому образу метасубъекта, на наш взгляд, более всего соответствует образ **архетипического Уробо́роса**, гигантского змея, ненасытно пожирающего самого себя за хвост (*рис. 1*).

Образ поедающего себя змея — ненасытной сущности, которая замкнута сама на себя по горизонтали, в кольцо, — очень удобен для иллюстрации общества потребления и того, каким способом осуществляется попытка блокирования социального системогенеза. Уроборос как высшая стадия развития капитализма разместился как раз между зоопопуляционным и психосоциальным уровнями системной организации пространственно-временного континуума, замкнув человечество на процессе удовлетворения его витальных потребностей. Более того, змею стали удаваться попытки (пока локально) разворота вектора системогенеза вспять во времени и пространстве.

Зоопопуляция как большая система и как одна из ступеней системогенеза служит для удовлетворения витальных потребностей (исключительно для поддержания гомеостаза — сохранения живого вещества в пространстве и во времени: пища, одежда, жилье, транспорт, тепло и освещение и т.д.).

Психосоциальная цивилизация — это более высокий уровень потребностей ее субъектов (выход на сакральное). Согласно иерархическому доминированию ИГЭ, главенствующими для человека (психогенетическая доминанта) являются высшие, нравственно-этические, потребности: потребности в социальной справедливости, в творчестве, в постижении смысла жизни, в самом социальном строительстве. Напомним, что субдоминанта всегда содействует доминанте в достижении результата действия — удовлетворение витальных потребностей должно быть основой для раскрытия психосоциальных функций человека (а не наоборот).

Наблюдать нравственно-этические построения сложнее — они состоят из информационно-смысловых конструктов — смыслов — и в достаточной степени отчуждены от материального субстрата: их нельзя съесть, потрогать или употребить. Именно поэтому на их место в обществе потребления были введены потребляемые суррогаты: бренды, лайки, лейблы, понты (*жарг.*). Эти суррогаты — разветвленная знаковая система рангового потребления: «Я потребляю, значит, я существую».

Системогенез как метафактор подпирает кольцо Уробороса снизу, и, чтобы выжить, змею

приходится все больше крутиться (распределять вертикальную энергию системогенеза по горизонтали) — разгонять производство продуктов и их потребление внутри себя самого. При таком разгоне событий змей Уроборос, свернутый в кольцо, начинает трансформироваться в устройство для разгона базовых элементов — **системокванто**в [3] (результативных отрезков деятельности от возникновения до удовлетворения потребности) — начинает походить на большой андронный коллайдер (в силу релятивистских законов время и пространство внутри коллайдера начинают искажаться — **системокванты** приобретают иные характеристики).

Поэтому в событиях, происходящих в России и в мире, можно выделить три тенденции:
- их количество растет;
- их скорость увеличивается;
- их смысл изменяется.

В такой ситуации человек не успевает их обработать, события, происшедшие за день, вытесняются новыми и забываются; результатом является отсутствие понимания происходящих процессов у большинства людей (включая управляющие элиты). Причина этого кроется в отсутствии понятной концептуальной схемы, в которую можно было бы укладывать новости, поступающие лавинообразно.

Уже можно описать основные инструменты, используемые **метасубъектом** для деструкции социума в попытке остановить восхождение как ход социального развития:

• *разворот вектора развития социума вспять во времени и пространстве*. Это не только возвращение архаичных форм социальной организации по типу нового варварства. Это более глубокие провалы вниз, в хаос, в инферно. Патология процессов хорошо видна в только что

Рисунок 1

Образ архетипического Уробороса

образовавшихся зонах провалов на юго-востоке Украины и на Ближнем Востоке — в формировании ИГИЛ. На этих территориях формируются огромные пространства хаоса — социальные пустоты. Свойства субъектов социума в них изменяются до нечеловеческих, инфернальных: происходит утрата эмпатии (сочувствия, сострадания, нравственности и милосердия) и начинают доминировать ретроградные формы поведения — воспроизводятся звериные стереотипы. В зонах провалов у субъектов социума проявляются суицидальные потребности, возникают массовые истерии и психические эпидемии. Они уже не способны вернуться к социальному строительству (образованию, семейным отношениям, профессиональной деятельности).

Используемые для формирования пространства хаоса войны нового типа — некинетические и кинетические, гибридные, информационные, организационные — это технологии-трансформеры, стержнем которых является развернутый вспять вектор развития. Они нацелены не столько на разрушение государственных субъектов и их инфраструктуры (это противоречит законам капиталистической экономики), сколько на тотальное разрушение всего социума, на воспрепятствование его движения к более высокому психосоциальному уровню развития;

• *«закукливание» — замыкание когнитивных функций и эмоциональных состояний человека в виртуальном пространстве с помощью современных информационных технологий.* Интернет, как видимый, так и темный, — та идеальная синтетическая среда, которая позволяет замкнуть внутри себя различные потребности человечества (виртуально общаться, покупать, получать информацию). Многочисленные информационные сети используются как для блокирования избыточной социальной активности, так и для ее канализации, развития зародышей войн-трансформеров, в том числе их террористической составляющей;

• *стимуляция безудержного роста потребления и производства*. Стимуляция потребительского спроса с помощью психотехнологий и инженерии поломок (внедрения деталей и узлов, ограничивающих срок службы товаров) уже довела экономику

многих стран до абсурда и истощения;

• *тотальная унификация потребностей с помощью информационных и когнитивных технологий.* Развитие социума как большой саморегулирующейся системы невозможно без разнообразия, умеренной конфликтности и отграничения сущностей. Глобальная толерантность, либеральность, унисекс, единое информационное пространство размывают субъектность, делают невозможным генезис и рождение нового, а унификация потребностей, массовое производство однотипных товаров имеет очень низкую себестоимость и позволяет получать сверхприбыли;

• *монетизация социальных категорий.* Ценность человека все более определяется не вкладом в социальное строительство, а исключительно демонстрируемым объемом капитала. Ранг в зоопопуляции определяется по статусному потреблению;

• *внедрение и популяризация технологий вечного кайфа — избегания и слива негативных эмоций.* Эмоциональные состояния представляют собой выработанный эволюцией пеленг, указывающий на соответствие деятельности индивида социально значимому результату. Отрицательные эмоции всегда более продолжительны, поскольку сопровождают отрезок деятельности от возникновения доминанты до получения результата (только тогда возникают подкрепление и положительные эмоции). Конвертация эмоциональных состояний с помощью психопрактик и невнятных фармацевтических средств (например, концептуальных наркотиков), а также социальных сетей способствует уходу из реального социума. Мода на эмоциональный позитив (стресс — это плохо, эйфория — это хорошо) приводит к избеганию социальной деятельности (ответственности);

• *повсеместная подмена образования обучением.* Образование — это сложный процесс формирования индивида под воздействием психосоциальной среды. Чтобы не допустить социум до освоения области сакрального, необходимо его оглупить — замкнуть на освоении большого объема ненужных сведений (не опосредованных морально-этическими представлениями и системным взглядом на природу вещей);

• *возвращение к однополярному миру* — капиталистическая глобализация после развала СССР и ликвидации стран социалистического содружества — это акт социального регресса, откат от развитого социализма к дикому капитализму, назад, к зоопопуляционным отношениям. Первый опыт построения общества социальной справедливости не был совершенен. Но доступность бесплатного образования, здравоохранения, жилья, социальных гарантий и социальных лифтов — все это создавало фундамент для движения вверх, к обществу «Туманности Андромеды» ефремовского космоса. И смысл жизни в новом обществе состоял бы в освоении нравственно-этического космоса (в понимании Аристотеля) — во взаимодействии с ИГЭ космического уровня организации.

В предыдущих работах мы достаточно подробно анализировали процесс «закукливания» и монетаризации социальных ценностей [4]. В данной работе остановимся более подробно на остальных технологиях метасубъекта, направленных на блокирование социального системогенеза, и возможностях им противодействовать.

Образование: информационно-голографические аспекты

— К чему вы готовите вашего сына? — кто-то спросил меня.
— Быть человеком, — отвечал я.
— Разве вы не знаете, — сказал спросивший, — что людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Н.И. Пирогов [5]

Основой социального системогенеза является **образование** (в широком значении, включающем и воспитание, и обучение) — начальный процесс подключения индивидов, будущих субъектов социума, к психосоциальному ИГЭ. Именно в этой сфере действия метасубъекта особенно опасны. Но нужно

четко различать понимание образования, сложившееся в России, и *education* в англо-саксонской практике. *В переводе с английского education — обучение, приобретение знаний. Это слово латинского происхождения* [6] *впервые было использовано в церковной лексике XVI в. ...Слово educare — «educar» (обучать), «criar» (воспитывать), «alimentar» (питать, кормить) сформировалось благодаря приставке ex- (снаружи) и глагола ducere (водить, вести за собой). Слово educación происходит от существительного в латыни — educatio, происшедшего от глагола educare. В других языках романской группы это слово видоизменилось до следующих форм: во французском — éducation, в итальянском — educazione, в португальском — educação.*

Н.И. Пирогов как попечитель образования Николаевского (впоследствии Одесского) округа Российской империи более 100 лет тому назад провел первый опыт по созданию духовно-нравственной педагогики, заложил основу нравственного образования Русского мира в XX в. (им были разработаны учебные планы и методики преподавания для гимназий Российской империи). Почему для образования необходим нравственно-этический интеграл?

Образование — это тончайший синергетический процесс формирования смыслообразов. С позиций концепции ИГЭ образ — это интерференционная картина, динамическая голограмма [2], результат взаимодействия опорной волны (от психосоциального ИГЭ) и предметной волны (генерируется ИГЭ индивида в процессе достижения им социально значимых результатов деятельности). Субъективный образ есть динамическое построение, воспринимаемое Я индивида как результат взаимодействия его индивидуальных ИГЭ под инициирующим воздействием внешних метафакторов — вышележащих ИГЭ больших систем.

Для образования человека — приобретения самостоятельного опыта взаимодействия с психосоциальным ИГЭ — уже предустановлена соответствующая психогенетическая архитектоника [7] (в детском возрасте ИГЭ индивида мало дифференцированы, затем, консолидируясь с ИГЭ пространственно-временного континуума, развиваются, приобретая индивидуальные характеристики). «Времена не выбирают»[3] — индивид может успешно жить только в том пространстве-времени, в котором был зачат, выношен и развивался[4]. «Среда для человека в конечном счете есть социальная среда, потому что там, где она выступает даже как природная, все же в ее отношении к человеку всегда имеются налицо социальные моменты. В отношениях с ней человек всегда пользуется социальным опытом...» [8] .

Можно сказать, что каждый индивид под инициирующим воздействием психосоциального ИГЭ получит от него **своеобразный IP-адрес**, благодаря которому в дальнейшем сможет взаимодействовать с вышестоящими инстанциями на основе информационно-голографических механизмов. В свою очередь сам психосоциальный ИГЭ как сущность будет строить свою структуру из конкретных элементов — смыслообразов, возникших на ИГЭ индивидов в результате изначально заданного для них поиска: что есть Добро и что есть Зло. Рукописи не горят именно потому, что образы, сформированные на ИГЭ индивида, становятся достоянием психосоциального ИГЭ, а он в свою очередь строится из отдельных смыслов индивидов.

Участие каждого человека в системогенезе пространственно-временного континуума, согласно изначально заданному плану, так же значимо, как и участие в нем вышележащих ИГЭ: человек разумный сотворен по образу и подобию как создатель и соавтор (но не как Демиург).

Чтобы не допустить социум до освоения области сакрального, необходимо его оглупить — замкнуть на освоении большого объема ненужных сведений.

Поэтому задача каждого педагога (должна быть им ясно осознана) как постпреда психосоциального ИГЭ — «...лепить, кроить и кромсать элементы среды, сочетать их самым различным образом, чтобы они осуществляли ту задачу, которая ему нужна. Таким образом, воспитательный процесс оказывается трехсторонне активным: активен ученик, активен учитель, активна заключенная между ними среда» [8, с. 89]. К сожалению, после триумфа советской общеобразовательной школы (реализовавшей на практике педагогические и дидактико-образовательные принципы К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, Л.С. Выгодского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского) в России XXI в. снова стали «...необходимы моряки, врачи, юристы, а не люди».

Подобное обрушение нравственно-этических построений может быть вызвано только **метафактором**, таким, который превосходит силу факторов развития социума (фактор системогенеза). Как мы показывали ранее [4], подобным деструктивным метафактором являются чужеродные неспецифические информационно-смысловые конструкции, частично

ассимилировавшиеся с информационно-голографическими экранами (ИГЭ) больших социальных систем нашего пространственно-временного континуума.

Особенностью так называемого Русского мира — уникального этногенетического и психосоциального построения — является то, что его деятельность (ведущие свойства — нравственность, соборность, способность к мобилизации и конструктивному коллективному взаимодействию) программируется психосоциальным ИГЭ (это привело в XX в. к возникновению СССР как первого опыта построения общества всеобщей справедливости). В конце XX в. произошел квантовый скачок вниз, к зоопопуляционным ИГЭ (ведущими свойствами являются внутривидовая агрессия, территориальная экспансия и ранговые — на основе объема капитала — отношения).

Эмоциональные состояния как пеленг социальной результативности. Канализация эмоций как индустрия

Каждый образ, воспринимаемый Я индивида, имеет для него эмоциональную окраску — либо положительную, либо отрицательную. Эмоциональное окрашивание образов в процессе деятельности субъекта (не зависящее от воли индивида) — это, по П.К. Анохину, «своеобразный пеленг» [9], помогающий определять ценность возникшего образа в контексте системогенеза. Каждая эмоция безошибочно указывает на то, насколько данная деятельность угодна вышележащим ИГЭ. Угрызения совести — типичный пример негативного психосоциального состояния.

Каждой точке на всей протяженности системокванта (как вектора) соответствует свое эмоциональное состояние. Можно сказать, что все те многочисленные точки вектора, которые обозначают промежуточные результаты деятельности (вся протяженность вектора), окрашены отрицательными эмоциями. И лишь конечная точка, в которой результат достигнут (совпали голограммы информационной модели и реальности), окрашивается яркой положительной эмоцией.

Эта точка — кульминация событийного процесса в системогенезе. Именно в ней возникает процесс подкрепления — тончайшей перестройки всех участвующих ИГЭ: опыт, сын ошибок трудных, изменяет пространственно-частотные характеристики участвующих ИГЭ, они становятся более совершенными, более дифференцированными, более гармоничными. И именно в этот момент все негативные эмоции (и даже память о них) исчезают в пространстве-времени (стираются на ИГЭ), остается только точка — положительный результат деятельности. Получается, что сам континуум строится исключительно из таких точек результата, а не из самих процессов (волны подкрепления от результатов деятельности изменяют голограмму потребности).

Таким образом, отрицательные эмоции возникают не тогда, когда все плохо и неправильно, а именно в тот момент, когда начинает формироваться акцептор результата деятельности (АРД) — информационно-голографическая модель, а затем сопровождают процесс достижения результата (по принципу «тепло — холодно») и исчезают в тот самый момент, когда результат достигнут. (В такой схеме вектор выглядит не линейным, а спиральным; это еще раз говорит о сложности информационно-голографических процессов.) Получается, что в линейном времени удельный вес отрицательных эмоций очень большой. А в нелинейном времени точка достижения результата (положительная эмоция) эквивалентна пройденному пути.

Иначе говоря, дискомфорт — это не только признак развития, генезиса, но еще и закон жизни, закон природы. Есть направленный вверх системогенез, есть и отрицательные эмоции. Нет развития, возникает стремление к положительным эмоциям, к вечному кайфу: «во всех обнаружениях, по крайней мере жизни практической и даже отчасти умственной, мы находим резко выраженное, материальное, почти торговое стремление, основанием которого служит идея о счастье и наслаждениях в жизни здешней. Таким образом, пятерка по литературе не только гораздо приятнее хорошего и сытного обеда, но и гораздо полезнее для индивида и социума» [5].

Образовательный процесс — это еще и формирование навыков удержания иерархии ИГЭ, «вытормаживания»[5] витальных потребностей, вегетативной, рефлекторной и сенсомоторной информации с соответствующих нижележащих ИГЭ индивида (вот почему ученики начальных классов грызут ручки, ногти, задыхаются и смущаются при ответах, краснеют, потеют при письме). Результатом выработки «вытормаживания» — этого весьма сложного динамического стереотипа — должно стать невмешательство нижних уровней ИГЭ индивида — вегетативной, или автономной, системы (автономная система должна быть автономной) в высшие психические функции.

Оптимальное взаимодействие индивида с информационно-смысловыми конструкциями психосоциального ИГЭ (они же нравственно-этические) возможно лишь в том случае, если иерархия ИГЭ индивида в процессе его системогенеза (онтогенеза и филогенеза) выстроится соответственно иерархии ИГЭ пространственно-временного континуума. Другими словами, каждый ИГЭ индивида (субклеточный, клеточно-орган-

ный, вегетативный, рефлекторный, сенсомоторный, эмоционально-волевой, психосоциальный) станет голографичен ИГЭ того пространства-времени, в котором он был зачат, выношен, рожден и развивался. «Станет голографичен» означает, что он займет соответственное место в иерархическом построении и сформирует свои функциональные связи с ИГЭ континуума. Неповторимость ИГЭ каждого индивида является основой социального системогенеза: для генезиса необходимы разнообразие, умеренная конфликтность и разграничение сущностей. Иллюстрация мудрости природы: неповторяемость рисунка радужной оболочки глаза человека (развивается из одного зародышевого лепестка вместе с мозгом) составляет 10^{-72} — больше, чем численность людей на Земле).

В случае если иерархия ИГЭ человека в процессе индивидуального системогенеза выстроится криво (например, в результате инверсии рефлекторный ИГЭ станет доминировать над психосоциальным ИГЭ), возникнут девиантные и деликвентные формы поведения, а также проявятся ретроградные формы поведения — начнется воспроизведение элементов более ранних (примитивных) онтогенетических психосоциальных конструкций из нижележащих ИГЭ — ретроэкранов [2, с. 58–62].

Все разнообразие асоциального поведения от феноменов Чикатило [10] до проявлений «вечной рыцарской природы украинского воинства» [11], а также жестокость бойцов ИГИЛ задается инверсией иерархических уровней ИГЭ индивидов (мягкий вариант — аномалии неврологического развития). «Психозы и неврозы, как показывают исследования, представляют формы заболеваний, возникающих на почве внутреннего конфликта между отдельными слоями личности. При этом Я и является тем сознательным и организующим поведение ядром, которое мы все время обозначаем как мышление» [8, с. 206–207].

Деятельность индивида на зоопопуляционном уровне направлена на удовлетворение витальных потребностей. Следовательно, результат зоопопуляционной деятельности должен приводить к устранению отрицательной эмоции (и появлению положительной — удовольствию). Деятельность индивида на психосоциальном уровне в значительной степени отвязана от витального удовольствия (вот почему И.П. Павлов говорил о рефлексе цели, а А.Н. Леонтьев — о высших человеческих эмоциях) и связана с психоэмоциональным состоянием, характеризующим результативность именно социально значимой деятельности: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю... Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья...»

Витальное удовольствие и возвышенное психоэмоциональное состояние (связанное с психосоциальной деятельностью) — это два различных вида эмоций, формируемых двумя различными ИГЭ в фазе подкрепления (процесса перенастройки и юстировки ИГЭ с учетом полученного опыта достигнутого результата). Поскольку витальные эмоции имеют химический субстрат (эндорфины и другие молекулы удовольствия), возникает иллюзия, что все эмоциональные состояния — сплошь производная от витальных функций (но высшие эмоции отчуждены от специфических химических субстратов и возникают на основе информационно-голографических механизмов психосоциального ИГЭ). Крокодил, глядя на птичку, плачет не от умиления (птичку жалко), а потому, что через носослезный канал выделяется слюна (кушать хочется). Невозможно оценить культурную (нравственно-этическую) ценность Сикстинской Мадонны в эквиваленте пищеварительных или половых эмоций...

Одним из признаков перенаправления векторов развития части социума вспять в пространстве и во времени является мода на избавление от отрицательных эмоций. Даже популярная еще недавно теория стресса Г. Селье (как теория механизма адаптации) в последние 30 лет изменяется

до неузнаваемости: стресс в массовом сознании уже выступает не как друг, а как враг человечества, как разрушитель ощущения драгоценного комфорта.

Слив негатива — избавление от любых отрицательных эмоций (либо их подмена) — стал доступным благодаря новым информационным технологиям, прежде всего социальным сетям (Facebook, «ВКонтакте»), где можно не только выставить свое нижнее белье, но и постирать чужое.

Понятно, что при доминировании над социумом зоопопуляционного ИГЭ в промышленных масштабах будут накапливаться различные эмоциональные шлаки (как естественные отходы от витальных функций), иначе хоть каких-то положительных результатов системогенеза социуму не достичь. И мощностей исповеди, а также сарафанного радио, кухонных разговоров и других народных средств в эпоху постиндустриального капитализма будет не хватать. Для этого создаются специальные психологические и психиатрические службы (соответственно, методики, например, классический психоанализ, метод расстановок и т.д.), способные за дополнительную плату «сливать из сосуда переживаний» [12]. Общества проблемных анонимов из дорогих личных кабинетов перекочевывают в сети, объем эмоциональных трансакций многократно увеличивается.

Еще один способ замыкания индивида на витальном уровне — фармацевтический. Классические и концептуальные наркотики, БАДы, различные пищевые добавки... Многие из них обладают как специфическим (например, ЛСД тормозит кору головного мозга, высвобождая тем самым силу подкорки — древнего образования крокодилова мозга), так и неспецифическим, мягким, транквилизирующим действием. Образы, всплывающие под воздействием химических средств (их принимают за высокие), являются структурными построениями (элементами) нижележащих ИГЭ (достаточно понаблюдать поведение индивида под кайфом). Приятные эмоции возникают в результате отрицательного результата действия — разрушения контакта с вышележащим психосоциальным ИГЭ и погружения в нижележащие слои образов, связанных с онтогенетическим прошлым социума (по Юнгу «мир архетипов»). При этом разрушается не только цитоархитектоника мозга (физиологический субстрат под воздействием метаболитов), но и сами ИГЭ (как интерференционные построения). Взаимодействие (интерферирование) с психосоциальным ИГЭ становится невозможным — оно требует волевого преодоления витальных негативных эмоций (подняться над голодом, холодом, физической болью, усталостью, сонливостью); кайфующий и избегающий стресса индивид не может по определению достигать социально значимых результатов деятельности: «бойтесь равнодушных — ибо именно с их молчаливого согласия совершаются и предательства, и убийства».

Лучшие представители Западного мира искренне не понимают представителей Русского мира. Действительно, мы живем на одной планете, но взаимодействуем с голографическими экранами разного уровня организации.

Образование и социальные формации

Очень показательно, что капитализм (и в своих начальных фазах, и в фазе позднего индустриализма) как социальная формация был изначально ориентирован на достижение индивидами витальных результатов деятельности (не раз заявлялось, что его гуманистический смысл состоял в том, чтобы на основе конвейера, логистики и достижений НТР «обшить и накормить» [13] еще не обустроенное комфортным бытованием человечество). Социальная справедливость и понималась как обеспеченность хлебом насущным. К 60-м годам XX в. и капиталистический социум, и социум социалистического лагеря действительно начали закрывать насущные физиологические потребности, более того, стал появляться избыток товаров и услуг. Это порождило миф о классовом примирении — сглаживании противоречия между трудом и капиталом, конце эпохи острой социальной борьбы (в постиндустриальной фазе) в обмен на комфорт — концепция конца истории [14].

Но граница истинного конфликта проходила (и проходит) не в геополитике, не в экономике и не в идеологии — острое диалектическое противоречие возникло между субъектами, программируемыми зоопопуляционным ИГЭ и субъектами, программируемыми писхосоциальным ИГЭ, — разные потребности, разные мотивы, разные эмоции. Именно по этой причине лучшие представители Западного мира искренне не понимают (а потому боятся на вегетативно-рефлекторном уровне) представителей Русского мира. Действительно, мы живем на одной планете, но взаимодействуем с голографическими экранами разного уровня организации.

Одним из признаков (маркеров) зоопопуляционного обучения являются телесные наказания. Выработка условного рефлекса (рефлекторный ИГЭ индивида) на избегание боли, можно сказать, есть совершенный механизм для поддержания устойчивой мотивации на обучение (но не образование). Известно, что и сегодня в элитных школах Великобритании — англо-саксонского эталона капиталистической системы — применяются телесные наказания. С 2012 г. в парламенте постоянно поднимается вопрос о законодательном оформлении применения розг [15]. Но там, где есть розги, нет и не может быть образования. В России (Русском мире) розги и прочие телесные наказания начали отменять еще в начале XX в. (инициатива Н.И. Пирогова) — иллюстрация того, что классический капитализм в России никогда не приживался. В советской школе (программно и методически ориентированной на обеспечение контакта с психосоциальным ИГЭ) вообще никогда не применялись телесные наказания. Даже в педагогической практике А.С. Макаренко, результативно работавшего с трудными подростками-беспризорниками (очень хорошо понимавшими язык подзатыльников), такого никогда не было.

«В Британии официально отказываться от рукоприкладства в школах стали только в 1984 году... Причем это касалось только государственных школ. В 1999 году телесные наказания были запрещены в Англии и Уэльсе, в 2000 году — в Шотландии и в 2003 году — в Северной Ирландии. Частным школам страны было также рекомендовано перестать бить провинившихся подростков. Но там телесные наказания никто не отменял... Еще один лидер мировой демократии — США... Запрет на применение физических мер воздействия принят только в 29 штатах страны, причем только в двух из них — Нью-Джерси и Айова — телесные наказания запрещены законом и в частных школах тоже. При этом в 21 штате наказывать в школах не возбраняется».

Образование — это передача через имеющийся социокультурный слой (в форме образовательной системы) двух составляющих: естественно-научных представлений о мире (описание системогенеза от косной до живой материи — математика, физика, химия, география, биология) и представлений о высших материях — нравственно-этических построений, составляющих психосоциальный ИГЭ, и других вышележащих системных образований (язык и литература, психология, нравственное воспитание). Недаром Аристотелем этика была выделена в отдельную дисциплину наряду с математикой и физикой. Слово «этос», от которого происходит слово «этика», первоначально означало место проживания, дом, жилище, гнездо.

Ценность человека в капиталистическом социуме определяется исключительно объемом его капитала — потенциальной возможностью купить себе витальные удовольствия (и наслаждаться ими, пока капитал продолжает работать на него), как то предписывает зоопуполяционный ИГЭ. В социуме, нацеленном на взаимодействие с психосоциальным ИГЭ, ценность человека определяется не тем, как он потребляет наработанные кем-либо ресурсы, а тем, какие информационно-смысловые (этически опосредованные) конструкции ему удалось создать (отстоять). Вот почему в нашем социуме — Русском мире, мире поиска справедливости — всеми любимы вечно голодные Глеб Жеглов и Володя Шарапов и ненавистен пресыщенный Горбатый.

Системогенез и ретроградные квантовые переходы

Капитализм — система, в которой всегда есть подвох. В современной капиталистической педагогике подвох заключается в ловкой и незаметной подмене образования обучением (*education*). Уход Государства Российского от поддержки какой-либо государственной идеологии (закреплен статьей 13 действующей Конституции РФ) приводит к тому, что вместо трудного и порой драматичного процесса подключения человека к психосоциальному ИГЭ в ребенка насильно впихивается огромный объем ненужных сведений (загрузка на грани его психофизиологических возможностей). «Известный математик Ф. Кляйн сравнивал гимназиста с пушкой, которую десять лет начиняют знаниями, а потом выстрели-

вают, после чего в ней ничего не остается... Подмена мысли памятью, наблюдения за сущностью явлений заучиванием — большой порок, оглупляющий ребенка» [16].

Ребенок (взрослый), понуждаемый грызть гранит науки, так и остается неподключенным к психосоциальному ИГЭ, не имеет смысла жизни: он вынужден либо искать себя в синтетических реальностях (альтернативных социумах), либо перенаправить вектор своего развития вниз и жить в кайф за счет ретроградных квантовых переходов.

Ребенка опускают через механизм искушения комфортом: опускаться легче — это означает жить в кайф. А выстраивание отношений с психосоциальным ИГЭ требует огромных усилий (постоянное преодоление дисфории: «...не позволяй душе лениться»). «Именно поэтому детство является естественной порой воспитания, что это — пора величайшего трагизма, дисгармонии и несоответствования организма и среды. Музыка воспитания возникает из диссонанса, который она стремится разрешить» [8, с. 88, 370].

Подмена истинного образования интересом к обучению, обслуживанием личных потребностей учащихся, комфортом (обучение через игровой интерес) незаметно приводит к деградации учащихся: «Строя школьное обучение на непосредственной заинтересованности, буржуазные педагоги по существу отрицают систему научных знаний... Интерес к обучаемому и познаваемому усугубляется по мере того, как истины, которыми овладевает ученик, становятся его личными убеждениями» [16, с. 138].

Привлекательность нисходящих квантовых переходов подкрепляется вечным кайфом — яркими экстатическими состояниями, возникающими при запитке ИГЭ индивида информационными, пластическими и энергетическими ресурсами, высвобождаемыми в процессе деструкции макроИГЭ.

Ретроградные квантовые переходы извращают механизм (и смысл) системогенеза — подкрепление как фиксатор положительного результата деятельности начинает работать с точностью до наоборот. При перенаправлении вектора развития индивида вспять во времени и пространстве положительным результатом действия становится отрицательный результат (деструкция структур пространственно-временного континуума, прежде всего социальных). При этом возникают не просто положительные эмоции (вегетативно-гедонические), а именно эйфория — ярко окрашенные эмоциональные (не проходящие) состояния, часто являющиеся признаком психопатологии.

По сути, экстаз — это яркое эмоциональное состояние, возникающее в результате разворовывания, разрушения и демонтажа уже собранных конструкций ИГЭ (в процессе системогенеза). Это не высшие человеческие эмоции, по А.Н. Леонтьеву (состояние возвышенного подвижничества), а банальный кайф, эйфория абсолютно того же свойства, что и от наркотиков, алкоголя, грибочков и всякой другой отравы, взрывающей ИГЭ индивида и высвобождающей колоссальную энергию и смыслы.

Примером такого антиобразования предстает современная Украина. Включение в общеобразовательные программы синтетических смысловых конструктов (не в технических дисциплинах, а именно гуманитарных) в кратчайшие сроки привело к ретроградному изменению вектора развития (системогенеза) всего украинского социума. Имплантирование синтетических конструктов в ИГЭ украинского социума позволило подментить историю, трансформировать идентичность, а самое главное — развернуть вектор развития вспять во времени и пространстве.

«Нашествие вышиванок» на западные окраины бывшего СССР началось лет 20–25 назад. Оно, конечно, было не самой болезнью, а ее симптомом. Но оно было симптомом того, что в города, центры цивилизации, пришла антицивилизационная идея... И когда в этих городах начала сыпаться имперская цивилизация, ее место стало занимать пробудившееся национальное сознание. На городских чиновниках, директорах предприятий и депутатах вдруг зацвели национальные петухи и маки. Основную роль тут сыграли чисто насущные вещи: нужно было чем-то заменить отмененное Светлое Будущее — и его заменили ретроидеализмом. Нужно было что-то противопоставить гигантской город-

ской русской культуре, и ее стали выпихивать культурами антирусскими, то есть антигородскими.

Почему мы говорим именно о деградации? Ведь столицы восточноевропейских городов сейчас просто конфетки. Потому что, как ни странно, задымленный уральский индустриальный облцентр — организм сложнее нарядного туристического Таллина настолько же, насколько сеть дворцов детско-юношеского творчества сложнее сети кинотеатров, а закрытый завод сложнее открытого в его корпусах супермаркета. Промышленный город есть город исследований, испытаний, системных знаний. А турстолица — это гостиницы, увеселения и туземный колорит.

Подмена истинного образования интересом к обучению, обслуживанием личных потребностей учащихся, комфортом (обучение через игровой интерес) незаметно приводит к деградации учащихся.

Настоящий город занимается массой дел, которыми декоративному «мястечку» заниматься не положено. К примеру, советский город Рига делал электронику, автомобили, локомотивы, суда, целлюлозу и много чего еще. Но потом у него началась острая вышиванка, и эти имперские сущности были с омерзением попилены и распроданы.

Хуторское мировоззрение — это в первую очередь утрата способности воспринимать мир системно и целостно. Ибо целостное и системное восприятие мира необходимо только тем, кто его системно же намерен и менять. Вот им нужно уметь стыковать конкретику и идеи, жизнь отдельных семей, хозяйств и городов с макроэкономикой, макрополитикой и стоящей за ними философией.

Берегитесь вышиванок, граждане. Неслучайно все «антиимперские», то есть по факту антицивилизационные агитки в союзных республиках Евразии, приходят к нам именно в них» [17].

Исторические мемы легко приживаются в примитивной (малодифференцированной) психике деградирующих субъектов социума, не подключенных в результате трудного опыта — сына ошибок трудных к психосоциальному ИГЭ.

Демонтаж информационно-смысловых блоков психосоциального ИГЭ стал производиться по специальной технологии, ставшей известной как «Окно Овертона»[6]. При всей конспирологической таинственности (поскольку подмены информационных конструкций происходят на метауровне, для наблюдателя из социума они малоразличимы) суть ее достаточно проста: поэтапная замена смысловых конструкций — кластеров ИГЭ. Сразу обрушить весь ИГЭ невозможно: мощные механизмы саморегуляции [18] восстановят поврежденные элементы в соответствии с имеющимися программными требованиями ИГЭ (либо отторгнут и уничтожат неподдающиеся восстановлению).

В экспериментах на животных, демонстрирующих голографические принципы работы мозга, поэтапное замораживание различных участков мозга у кошек (до определенного критического значения) не приводит к видимым отклонениям в поведении и физической гибели животного — необходимая информация успевает перераспределиться между другими работающими участками (перераспределяются пластические, информационные и энергетические ресурсы) [19].

«Джозеф Овертон описал, как совершенно чуждые обществу идеи были подняты из помойного бака общественного презрения, отмыты и в конце концов законодательно закреплены... Это не промывание мозгов как таковое, а технологии более тонкие. Эффективными их делает последовательное, системное применение и незаметность для общества-жертвы самого факта воздействия» [20].

Основными конструктами психосоциального ИГЭ являются нравственно-этические построения. Поэтому любой внешний фактор, действующий в лоб, будет встречен ИГЭ (как саморегулируемой системой) активным противоборством — будет отторгнут социумом как неприемлемый и аморальный. Но поэтапная подмена функциональных блоков будет незаметна (курочка по зернышку клюет). Так по кусочку можно целенаправленно пересобрать весь ИГЭ.

Яркими примерами такой направленной пересборки ИГЭ на основе синтетических информационно-смысловых конструктов (как выяснилось, вполне возможной в течение одного поколения) в настоящее время являются синтетические ИГЭ социумов Украины и Ближнего Востока (ИГИЛ).

В первую очередь подменяются кластеры исторической памяти, программирующие психогенетическую идентичность. Далее подменяются базовые смыслы. В результате векторы системоквантов поведения субъектов разворачиваются вспять — ретроградные формы поведения

в социуме становятся нормой (относительно нисходящего вектора — вектора деградации), а как раз нормальные (программируемые с помощью нравственно-этических блоков ИГЭ) начинают уничтожаться деградирующим социумом.

В чем это проявляется симптоматически? Прежде всего в потере индивидами с инвертированными ИГЭ главного человеческого качества **эмпатии**. Пересобранные экраны уже частично состоят из иных — синтетических информационно-смысловых конструктов, а не целиком из нравственно-этических построений. В результате индивиды, программируемые синтетикой, не обладают ни милосердием, ни состраданием, ни сочувствием, все человеческое им чуждо. Изменяются и их психофизиологические константы. Интуиция (звериное чутье, черное видение) наряду с огромной физической выносливостью позволяет им быть эффективными терминаторами, испытывающими наслаждение от разрушения. Чем больше злодеяний, тем больше кайфа.

Их жизнь, точнее существование, может продолжаться теперь исключительно за счет деструкции ИГЭ. Им — смерть, если нечего дальше разрушать. К социальному строительству, обучению, профессиональной деятельности и семейным отношениям они никогда уже не вернутся.

Метасубъект может действовать (продолжать присваивать энергию системогенеза) только в том случае, если будет оставаться невидим и непонятен (мотивационно) для наблюдателей из социума. Но как только с помощью культурного и научного осмысления будут прорисованы свойства его субъектности, он станет вполне воспринимаем социумом. Тогда все разнообразие социальных феноменов будет представляться не как игра причинности, а как конкретные и разнообразные способы ведения войны против социума.

Понятно, что кинетические методы уничтожения метасубъекта непригодны — он не имеет материального субстрата. Зато как информационно-кибернетическая структура он весьма чувствителен к нравственно-этическим конструктам (элементам лежащего над ним психосоциального ИГЭ). Вероятно, с вышележащих ИГЭ сам метасубъект так же малоразличим, как и из социума (его действия с вышележащих ИГЭ могут восприниматься как аномалии в социуме, вполне укладывающиеся в ранее заданные границы нормы). Именно этим свойством может определяться продолжительность его существования. Но как только станут понятны его потребности (с ИГЭ индивидов будет считана информация психосоциальным ИГЭ), он как инородное тело будет либо перепрограммирован, либо уничтожен. Ведь как нижележащая по иерархии структура он подчиняется программным требованиям вышележащих, а именно смысловому содержанию нравственно-этических конструктов (элементов психосоциального ИГЭ).

Промышленный город есть город исследований, испытаний, системных знаний. А турстолица — это гостиницы, увеселения и туземный колорит.

* * *

«Жизнь раскрывается как система творчества, постоянного напряжения и преодоления, постоянного комбинирования и создания новых форм поведения. Таким образом, каждая мысль, каждое движение и переживание являются стремлением к созданию новой действительности, прорывом вперед к чему-то новому... Жизнь человека сделается непрерывным творчеством, одним эстетическим обрядом, который будет возникать не из стремления к удовлетворению отдельных мелких потребностей, но из сознательного и светлого творческого порыва. Еда и сон, любовь и игра, труд и политика, каждое чувство и каждая мысль сделаются предметом творчества... Наряду с техникой педагогика в широком смысле психофизического формирования новых поколений станет царицей общественной мысли» [8, с. 370–371].

ПЭС 15008/26.01.2015

Примечания

1. Первой попыткой реального перехода социума на психосоциальный уровень развития можно считать создание СССР и стран социалистического содружества.

2. Например, мигание управляющего светодиода на пульте дистанционного управления телевизором не различимо человеческим глазом (зрительный анализатор человека не интерферирует в инфракрасном диапазоне). Но если посмотреть на него через телекамеру (ПЗС-матрица интерферирует преимущественно в тепловом спектре), то работающий светодиод сразу становится видимым.

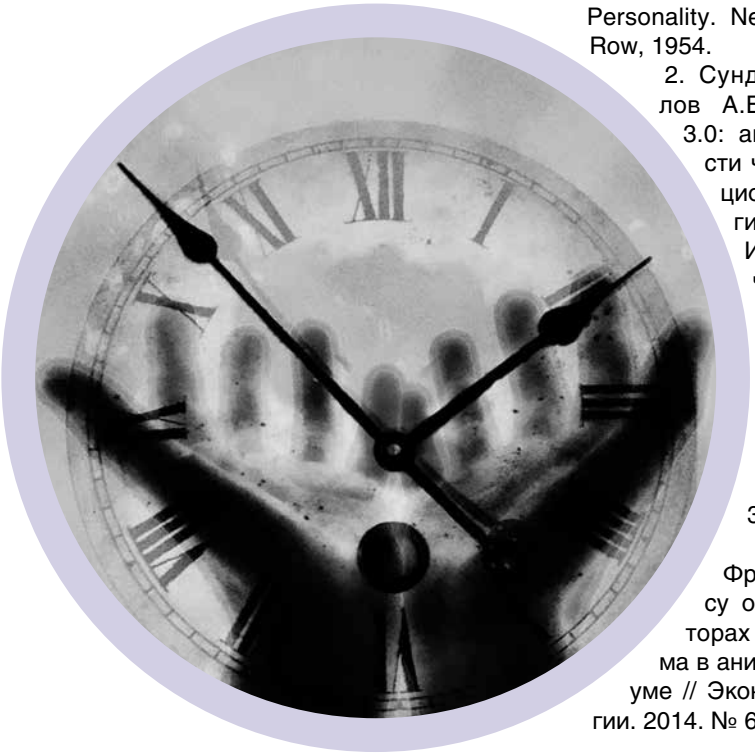
3. Стихотворение А. Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают… большей пошлости на свете нет, чем клянчить и пенять, будто можно те на эти, как на рынке, поменять…».

4. Некоторые ученые предполагают, что, попав в прошлое или попав в будущее, человек не сможет выжить по психофизиологическим причинам: из-за измененного спектра электромагнитных излучений, микроэлементного соста-

ва пищи, формулы воды, воздуха, взаимодействия с симбиотическими микроорганизмами и вирусами, гравитационной составляющей, темпоритмами и т.д. Каждый человек может жить только в том пространстве-времени, в котором был зачат, выношен и рожден. Вот почему оценка событий прошлого возможна только в контексте состояния ИГЭ-экранов на тот исторический период.

5. Вытормаживание — психофизиологический процесс в коре головного мозга, необходимый для обеспечения доминанты его социально значимой деятельности. Возбуждение, связанное с обеспечением витальных потребностей, должно быть подавлено и должно занять соответствующую ранговую позицию в качестве субдоминанты (субдоминанта всегда содействует доминанте). В отличие от генерализованного возбуждения торможение в коре полушарий имеет стационарный, то есть локальный характер и, по П.К. Анохину, действует точечно, словно рапирой. Формирование динамического стереотипа использования рапиры является одним из самых сложных при социализации индивида. Навык вытормаживания вегетативного и рефлекторного уровня, сформированный в начальной школе и позже — в средней школе, переносится на эмоционально-волевой, а затем на психосоциальный уровень системной организации в юности (так достигается психическая и социальная зрелость). Ни один социально значимый результат не может быть достигнут человеком без вытормаживания (именно это отличает его от животного). Навык вытормаживания есть психофизиологическая проекция свободы воли человека.

6. Джозеф П. Овертон (1960–2003), старший вице-президент центра общественной политики Mackinac Center. Погиб в авиакатастрофе. Сформулировал модель изменения представления проблемы в общественном мнении, посмертно названную «окно Овертона». Эта модель показывает, как можно совершенно чуждые обществу идеи поднять из канализации общественного презрения, отмыть и в конце концов законодательно закрепить [21].



Литература

1. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954.

2. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Метареволюция 3.0: анализ современности через призму функциональных и патологических систем. М.: Институт экономических стратегий, 2014. С. 52–56.

3. Судаков К.В. Избранные труды. Т 1. Развитие теории функциональных систем. М., 2008. С. 219–244, 316–340.

4. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. К вопросу об экзогенных факторах деструкции социума в анизотропном континууме // Экономические стратегии. 2014. № 6–7. С. 154–169.

5. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. Вопросы жизни. Дневник старого врача. М., 1953. С. 55–79.

6. http://lengva.ru/etimologiya-slova/proisxozhdenie-slova-obrazovanie/

7. Теория системогенеза / Под ред. К.В. Судакова. Коллективная монография. М.: Горизонт, 1977. С. 72–76.

8. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. С. 88.

9. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. С. 108.

10. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Чикатило и другие. М.: Амальтея, 1993. 320 с.

11. http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201408031716-cgyw.htm.

12. Свияш А.Г. Разумный мир. Как жить без лишних переживаний. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 76–77.

13. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Сфера, 2004. С. 256–260.

14. Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 207 с.

15. http://topwar.ru/25466-angliya-klassicheskaya-strana-telesnyh-nakazaniy.html.

16. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1979. С. 133.

17. http://www.odnako.org/blogs/strashnaya-pravda-o-vishivankah-k-probleme-gorodskogo-odichaniya/

18. Судаков К.В. Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 27.

19. Судаков К.В. Избранные труды. Т. 1. Голографический принцип системной организации жизнедеятельности. М., 2007. С. 174.

20. http://emdrone.livejournal.com/250241.html?nojs=1.

21. http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/tehnologiya_unichtozheniya_okno_overtona_i_protivostoyanie_degeneracii_13052014/